

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Оу Мэнлянь на тему: «Категория пространства в творчестве Ф. Достоевского», представленную на соискание ученой степени кандидата культурологии наук по научной специальности 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Диссертация Оу Мэнлянь на тему: «Категория пространства в творчестве Ф. Достоевского» является законченным, самостоятельно выполненным исследованием, имеющим все признаки научной новизны, теоретической и практической значимости. Она имеет несомненный научный интерес и стимулирует дискуссии по вопросам роли творчества Ф.М. Достоевского в развитии национальной культуры.

Прежде всего дискуссионной представляется сама формулировка темы. Автору следовало уточнить в тексте диссертации, в каком смысле и в рамках какой парадигмы философской мысли он считает допустимым определять пространство как категорию. Ведь, ему можно было бы сразу высказать критическое замечание о том, что пространство – это форма созерцания и не может рассматриваться как категория, т.е. как чистое понятие.

Нужно также иметь в виду, что объектом диссертационного исследования, согласно определению автора диссертации, выступает творчество Ф.М. Достоевского (стр. 8). Но если даже изучать это творчество с учетом его «главных философских и культурологических тенденций», то нужно помнить, что оно является художественным, а не научным творчеством. Поэтому в нем категории не могут иметь место, ведь категориальное мышление является достоянием научного познания: естественно-научного или гуманитарного, а философского – лишь в той мере, в какой философия является наукой, начиная с трудов Канта и особенно Фихте. Следовало, таким образом, иначе определить предмет исследования, поскольку в творчестве Ф.М. Достоевского никак не присутствует «пространство как философская и культурологическая категория».

Еще более проблематичным представляется введение различия на внешнее и внутреннее пространство (для последнего автор также предусмотрел большое число модусов). Дело в том, что с философской точки зрения, пространство – это форма, данная человеку для созерцания именно внешних, т.е. природных предметов (хотя и здесь ее возможности ограничены пределами чувственности). Форма протяженности не имеет места в субстанции мышления: мысль не может быть круглой или прямоугольной, не может быть локализованной в той или иной точке. А значит, форма пространства не может служить связующим началом для отношения мышления и чувственного мира. Если

автор считает иначе, то он должен был бы осуществить дедукцию схемы такого отношения (что, вообще, является сомнительным предприятием). Или же ему следовало указать на философские и культурологические работы других авторов, в которых данная дедукция уже осуществлена, после чего дать хотя бы краткий критический анализ этих работ. Если этого не сделано, то выражения вроде «социальное пространство» и тем более: «духовное пространство» нужно считать простой грамматической связкой слов, лишенной логического содержания. Автор даже говорит о «феномене пространства» (стр. 8, 18, 163), что уже совершенно непонятно, т.к. неясно, феноменом чего пространство, по мысли автора, может являться.

Хотя речь идет не о философском, а только о культурологическом исследовании, все же диссертационная работа еще более выиграла бы, поясни автор, что он имел в виду, говоря о «субъективном пространстве», о «внутреннем и внешнем пространстве», о «духовном пространстве», о «личном внутреннем пространстве». При этом нужно считать недопустимыми в авторском исследовании ссылки на то, что такие выражения могут быть признаны содержательными, поскольку они уже употребляются в других работах, пусть даже употребляются вполне авторитетными авторами. Если же работа такого рода автором диссертации не предьявлена, то можно допустить, что мы имеем дело просто с попыткой заменить чувственным представлением о пространстве действительные отношения между понятиями, описывающими предметы духовного характера. Но такие понятия и такие отношения между ними являются продуктами анализа и синтеза в мышлении и в таком своем качестве относятся только к сфере чистого мышления, иначе называемого абстрактным мышлением. Попытка заменить мышление комбинацией символических образов и представлений, уместная в искусстве, не совместима с требованиями научности исследования.

К счастью, в самом тексте автор чаще всего решает более понятные и содержательные задачи: он или рассматривает, каким образом в произведениях Достоевского исследуется влияние среды обитания на сознание человека, и наоборот; или выявляет способы использования писателем пространственных образов в качестве символов душевного и духовного состояния человека. «В его произведениях психологический мир героя тесно взаимодействует с реальным пространством и изменяет, перестраивает его» (стр. 23). Думается, что если бы в определении предмета исследования и, следовательно, в формулировке темы, речь шла об «образе пространства» в творчестве Достоевского, а не о «категории пространства», то большинство вопросов было бы снято.

Однако отсутствие ясно определенных философских оснований и терминологической четкости, что очевидно составляет главный недостаток диссертации

Оу Мэпьяп, вовсе не отменяет ее научной ценности в целом, поскольку автор все же скрупулезно исследовал по текстам писателя и систематизировал все основные аспекты трактовки указанных вопросов культурологического и философско-культурологического характера. Кроме того, можно предположить, что и сама по себе форма созерцания, в том числе и пространство, не является статичной, поэтому исследование автором различных форм «внутреннего и внешнего» пространства, как оно выражается, может рассматриваться как своего рода анализ превращенных форм способности созерцания и тем быть интересно.

Полнота привлеченных источников, структура изложения материала, избранная методология исследования позволили Оу Мэпьяп раскрыть заявленную тему. Она представила на суд научной общественности оригинальное, новое по содержанию и актуальное научное исследование, которое, без сомнения, восполняет существующие пробелы в отечественной культурологии.

В первой главе «Изменение структуры пространства как путь развития личности в творчестве Ф. М. Достоевского» рассматриваются субъективные формы восприятия человеком пространства. Основные выводы, следующие из анализа материала в данной главе, отражены также в 1 – 3 положениях, выносимых на защиту. Автор говорит здесь о «порабощении личности всеобщими и однородными формами пространства», борьбу против которых он предлагает рассматривать как один из главных элементов в творчестве Достоевского и как один из ключевых мотивов действия его героев. В итоге все духовные коллизии, включая и самый фундаментальный вопрос: что есть мировая гармония – «хрустальный дворец», которому и язык не грех показать; или абсолютная свобода личности в ее святоотеческом понимании, сводятся автором именно к борьбе против порабощения формами пространства. Данный вывод представляется несколько натянутым. Если борьба против порабощающих форм пространства, действительно, была главным делом творчества писателя, то странно, что он нигде не оговаривал этого ни своей публицистике, ни в письмах. Сомнительным представляется и обозначенная автором цель борьбы – «достигнуть самобытного существования» (стр. 10). Вряд ли таким может быть нравственный идеал для православного мыслителя.

Во второй главе «Этический и религиозный смысл пространства в творчестве Ф. М. Достоевского» автор обращается к вопросу о соотношении понятия пространства и идеи Бога, надеясь в последней найти связующее звено между субъективным измерением пространства и его объективностью, к анализу которой он обратится в третьей главе. Такой ход мысли в целом соответствует фундаментальным тенденциям философских исканий от Декарта до Канта, он вполне оправдан и интересен. К сожалению,

интерпретация воззрений Достоевского представляется совершенно произвольной, создается впечатление, что автор просто выдает свои представления о Боге и человеке за взгляды Достоевского, как например, суждение о том, что человек «соединяется с Богом и получает часть божественного всемогущества». В итоге все переворачивается с ног на голову: рабство воли, которое демонстрирует Кириллов, автор называет утверждением свободы воли, а самоубийство, как предельная форма греха, разрушающего человека и мир, автором объявляется мученичеством. Кошунственное же «приравнивание себя к Христу», согласно ошибочному мнению диссертанта, «свидетельствует о некоей божественности Кириллова» (стр. 101).

Тем более необоснованно выглядят попытки противопоставить Достоевского и Церковь, верным сыном которой он был. Так, комментируя известный фрагмент из письма Фопвизиной, Оу Мэзлянь пишет: «По его мнению, церковные законы — примерно то же самое, что и сковывающие человека законы мироздания, так как они строго регулируют поведение людей при их общении с Богом. Люди вознаграждаются и получают искупление грехов не за истинную веру, а за соблюдение формальных церковных правил, что затуманивает саму суть веры. Если люди считают, что блага, о которых они молятся, могут достаться им вследствие соблюдения церковных догм, вера выхолщивается. С точки зрения Достоевского, необходимо преодолеть эту ложную догматическую веру, а чтобы это сделать, каждый человек должен прийти к истинной вере, которая заключается в любви к Христу и к своим ближним» (стр. 79). Получается, что она просто произвольно приписывает Достоевскому совершенно чуждые ему еретические воззрения, которым противоречат и его письма, и засвидетельствованный опыт духовной жизни в лоне Церкви. И столь радикальные выводы снова остаются без какой бы то ни было аргументации.

Мы не можем согласиться и с последующей интерпретацией религиозности Достоевского и его учения о Боге, Церкви и человеке, которое дает Оу Мэзлянь, и считаем такую интерпретацию противоречащей истине. Что показательное, вслед за допущением того, что, по мысли Достоевского, «божественным "телом" Христа может быть всё мироздание» (хотя это и очевидная ересь), в своих рассуждениях диссертант приходит к совсем превратным рассуждениям о том, что «люди должны пожертвовать своей человеческой сущностью ради Христа» и заключает их суждением о превращении зла в добро в эсхатологической перспективе (стр. 125 – 126). Последнее суждение также, кажется, приписывается Достоевскому.

Более интересна третья глава диссертации «Пространство коллективного бытия человечества в творчестве Ф. М. Достоевского». Автор обстоятельно реконструирует

значение образа Америки в творчестве Достоевского и дает свою интерпретацию, имеющую бесспорный научный интерес. Критические замечания вызывает авторская интерпретация отношения Достоевского к Швейцарии как к образу рая, что отражено и в заглавии третьего параграфа третьей главы. Скорее, Достоевский в Швейцарии был поражен контрастом между прекрасной природой и нравственной нечистотой населения этой страны, в которой он вряд ли усмотрел бы «образ рая». «Дикость нравов» и «низость развития» – вот что в первую очередь бросилось ему в глаза в Швейцарии, о чем он и сообщает в письме А.Н. Майкову 31 декабря 1867 г.

Суммируя сделанные критические замечания, можно свести их к трем, которые, скорее, следует обозначить как рекомендации к продолжению исследования.

Первое. Учитывая всё многообразие трактовки понятия пространства в истории философии, в естественных науках и в культурологии, автору следовало специально рассмотреть этот вопрос, возможно даже в отдельном параграфе, а также представить собственное понимание природы пространства.

Второе. Нужно было принять во внимание также и значительный объем творческого наследия Достоевского, различия в характере источников (художественные произведения, публицистика, письма, прямые философские фрагменты). Поэтому следовало дать классификацию этих источников с обоснованием выбора преимущественного материала исследования.

Третье. Исключительно сложным является вопрос о методологии интерпретации работ Достоевского, особенно если речь идет о философской интерпретации литературных памятников. Этому вопросу также нужно было уделить внимание, с обоснованием того, в чем состоит специфика именно культурологического исследования и что дает данная диссертация для приращения культурологического знания.

С учетом всего вышесказанного полагаю:

Содержание диссертации Оу Мэнлянь на тему: «Категория пространства в творчестве Ф. Достоевского», соответствует специальности 5.10.1. Теория и история культуры, искусства

Диссертация является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития теории и истории культуры, искусства

Нарушений пунктов 9, 11 Порядка присуждения Санкт-Петербургским государственным университетом ученой степени кандидата наук соискателем ученой степени мною не установлено.

Диссертация соответствует критериям, которым должны отвечать диссертации на

соискание ученой степени кандидата наук, установленным приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете» и рекомендована к защите в СПбГУ.

Член диссертационного совета

доктор философских наук, профессор, советник ректората Русской христианской гуманитарной академии им. Ф.М. Достоевского

Масленников Дмитрий Владимирович

11 марта 2024 г.

Подпись
Масленников Д.В.
заверяю

Документовед
Чернова Л.Л.

11 03 2024

